

Как
ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
просвещала Россию



Анна Воронцова Как Елена Сергеевна просвещала Россию

<https://litres.ru/74540492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена попала в прошлое без энциклопедии, инженерного образования и великих планов.

У неё были лишь обрывки школьных знаний, бытовой здравый смысл и слишком уверенный тон.

К несчастью, иногда именно из этого и рождаются исторические фигуры.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17

Анна Воронцова Как Елена Сергеевна просвещала Россию

Глава 1

В половине десятого Елена вернулась со смены и ещё в прихожей увидела мусорный пакет. Утром он стоял у тумбы. Теперь стоял у двери. За день Серёжа продвинул его примерно на полтора метра.

Сам Серёжа лежал на диване и смотрел в телефоне ролик про войну. На экране двигались стрелки по карте.

Елена сняла куртку, оставшись в мягком ярком свитере, и кивнула на пакет.

— Ты его вынес?

Серёжа посмотрел сначала на неё, потом туда, куда она показывала.

— Собирался.

— Я вижу.

— Я его к двери поставил.

— Это почти улица.

Он снова посмотрел в телефон.

— Сейчас вынесу.

Елена знала это «сейчас». Иногда после него действительно что-нибудь происходило. Поэтому спорить сразу не стала, прошла на кухню и открыла холодильник.

Внутри стояла вчерашняя гречка, два яйца, банка огурцов и пластиковый контейнер с курицей. Она открыла контейнер, понюхала и закрыла.

— Серёж.

— М?

— Курица всё.

— В смысле?

— Испортилась.

— С чего?

Елена снова открыла контейнер, как будто запах мог добраться до комнаты сам.

— С того, что она испортилась.

— Вчера нормальная была.

— Вчера я её не нюхала.

— Ну вот.

Елена постояла с контейнером в руке. Фраза не имела отношения ни к чему, но Серёжа произнёс её тем тоном, которым обычно завершал спор.

Она выбросила курицу, поставила воду и достала макароны.

— Ты картошку купил?

— Не.

— Почему?

— Нормальной не было.

— Какая была?

— Мелкая.

— И?

Из комнаты донеслось раздражённое:

— Лен, ну мелкая же.

Она не стала продолжать. Смысл существовал где-то между Серёжей и картошкой и, вероятно, обоих устраивал.

Елена считала себя практичным человеком. Не умным в каком-то особенном смысле, именно практичным. В школе она училась средне, высшего образования не получила и за последние несколько лет читала в основном новости, отзывы перед покупкой и статьи, на которые натыкалась по дороге из одного сайта в другой. Зато она знала, что незнакомому человеку из банка не требуется код из СМС, и не покупала технику после одного восторженного отзыва.

Это казалось ей довольно невысокой планкой.

Серёжа периодически заставлял её пересматривать это мнение.

Пока варились макароны, она вспомнила ещё одну вещь.

— Интернет оплатил?

Серёжа замер с сухариком у рта.

— Работает же.

— Я не спросила, работает ли.

— Ну работает.

— Вчера последний день был.

— И?

— И оплати.

— Потом.

— Потом отключат.

— Не отключат.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Раньше не отключали.

Елена посмотрела на него секунду дольше обычного.

— Оплати сейчас.

— Хорошо.

На этом вопрос временно считался решённым.

Позже Елена села с тарелкой на краю дивана. Серёжа всё ещё смотрел тот же ролик. Мужчина за кадром говорил о провалившемся наступлении, нехватке припасов и каком-то генерале, который продолжал выполнять приказ вопреки обстановке.

Серёжа фыркнул.

— Ну дебилы.

Елена ела.

— Кто?

— Эти.

— Какие?

Он ткнул пальцем в экран.

— Командование. Видят же, что не получается.

— И что надо делать?

— Не делать так.

Елена посмотрела на него.

— А как?

Серёжа на секунду задумался.

— Ну остановиться сначала. Всё подготовить.

— Что всё?

— Ну всё, что надо.

— А что надо?

Он недовольно повернул к ней голову.

— Лен, я откуда знаю? Я говорю, нормально надо было сделать.

— А.

— Что «а»?

— Ничего.

Серёжа снова включил ролик. Через минуту он уже объяснял автору экрана, что тот слишком всё усложняет.

Елена доела и отнесла тарелку на кухню. Там же, возле розетки, лежал её телефон с подключённой зарядкой. Возвращаясь, она увидела пакет у двери.

— Серёж.

— Сейчас.

Она постояла, потом взяла пакет сама.

— Я уже собирался, — сказал он, не отрываясь от экрана.

— Угу.

— Реально.

Елена открыла дверь.

— Только потом не говори, что я не хотел.

Она вышла на лестничную площадку, и дверь закрылась за спиной.

Дальше осталось только несколько совершенно обычных вещей: лестница, тяжёлая дверь подъезда, холодный воздух во дворе, мусорный пакет в правой руке.

Следующего момента Елена не помнила.

Когда она открыла глаза, первое, что увидела, был мех.

Он находился слишком близко. Густой коричневый мех занимал почти всё поле зрения и слегка шевелился. Елена дёрнулась назад и поняла, что это рукав.

Рукав принадлежал мужчине, стоявшему возле лавки, на которой она лежала.

Мужчина был одет в огромную шубу, похожую одновременно на боярскую одежду из исторического фильма и на неудачно набитое кресло. Шуба расширяла его вдвое. Руки из широких рукавов почти не показывались. На голове сидела длинная шерстяная шапка, тёмная у лба и светлеющая к концу; конец свисал через плечо почти до груди.

За ним стояли ещё люди. Одежда у всех была устроена по одному принципу. Чем меньше в избе оставалось свободного пространства, тем шире должна была быть шуба. Мужчины, женщины и одна старуха у печи были закутаны в мех так, будто собирались провести ночь на снегу, хотя от печи шёл такой жар, что Елена почти сразу почувствовала его на лице. На головах у всех торчали длинные шапки-носки. У

одного молодого парня в красной шапке конец свисал спереди и иногда ложился ему на нос, но он просто сдвигал его в сторону.

Все молча смотрели на Елену.

Она приподнялась на локтях. Люди одновременно попытались отступить.

Для избы это оказалось слишком сложным движением.

Мужчина в коричневой шубе толкнул плечом женщину. Женщина качнулась на соседа. Тот попытался повернуться и зацепил рукавом деревянную ложку на стене. Молодой парень отступил ему с дороги, наступил на край собственной шубы и схватился за старуху. Старуха удержалась, но её длинная шапка соскользнула вперёд и закрыла ей лицо.

Несколько секунд все распутывались.

Потом снова встали вокруг Елены.

Никто не выглядел смущённым.

Елена села окончательно и только тогда посмотрела на себя. Джинсы были на месте. Кроссовки тоже. На ней всё ещё был её современный мягкий свитер, яркий настолько, что среди бурого меха, серого дерева и копоти он выглядел почти неприлично новым.

Мусорного пакета не было. Елена машинально ощупала карманы джинсов и только тогда вспомнила, что телефон остался дома на зарядке.

Теперь Елена осмотрела помещение. Бревенчатые стены. Большая печь. Лавки. Деревянный стол. Икона в углу. Пучки

сухих трав под потолком. Неровное мутное стекло в маленьком окне. Никаких проводов, выключателей, батарей, пластика, кроме того, что было на ней самой.

Первой мыслью была съёмочная площадка.

Второй, что для съёмочной площадки здесь очень сильно пахнет настоящим дымом, овчиной и людьми.

Мужчина в коричневой шубе всё ещё наблюдал за ней. Он был старше остальных, с широкой бородой и тем выражением лица, которое обычно появляется у человека, если окружающие давно договорились считать его рассудительным.

Елена посмотрела на него.

— Где я?

Мужчина подумал.

— В избе.

Елена подождала.

Он, кажется, уже закончил.

— Я вижу. Где находится изба?

Мужчина слегка нахмурился и оглянулся на остальных.

— Здесь, — подсказал кто-то сзади.

Староста сделал маленькое движение ладонью, показывая, что справился бы сам.

— Здесь.

— Деревня как называется?

На этот раз ответил молодой парень с красной шапкой:

— Деревня.

— У деревни есть название?

— Есть.

— Какое?

Парень посмотрел на старосту.

Староста посмотрел на старуху.

Старуха, всё ещё поправлявшая съехавшую шапку, сказала:

— Так ты ж в ней.

Елена помолчала.

— Я спрашиваю, как она называется.

— А-а, — сказал парень.

Все немного расслабились. Теперь вопрос стал понятен.

— Кривое, — сказал он.

— Кривое?

— Оно.

— Это название?

Парень пожал плечами.

— А что ещё?

Елена посмотрела на старосту, надеясь получить подтверждение хотя бы от главного.

Тот выдержал паузу и кивнул.

— Кривое.

— Хорошо. Кривое где?

Староста снова задумался.

— От чего?

— В какой области? Районе? Что рядом?

Лица вокруг стали напряжённее.

— Рядом Мокрое, — сказал красношапочный.

— А за Мокрым Сухая Падь, — добавила женщина.

— Зимой, — поправил мужчина у стены. — Зимой через реку прямо. А сейчас через лес.

— Значит, летом она в другом месте? — спросила Елена.

Мужчина нахмурился.

— Нет. Место то же. Дорога другая.

— Тогда где она находится?

— Смотря как ехать.

Елена подняла руку.

— Стоп. Город ближайший какой?

Все замолчали.

Староста посмотрел на неё почти с уважением. Вопрос, видимо, был серьёзный.

— Какой тебе нужен?

— Ближайший.

— Зимой Порхов.

— Почему зимой?

— По реке.

— А сейчас?

— Сейчас по дороге.

— Тогда какой ближе сейчас?

Красношапочный немного подумал.

— Порхов зимой.

Елена провела ладонью по лицу.

Старуха у печи внимательно следила за ней.

— Головой ударилась, — сообщила она.

— Не ударилась я.

— А чего тогда не знаешь, где сидишь?

Вопрос был неприятно разумным.

Елена опустила руку.

— Телефон у кого-нибудь есть?

Молчание стало другим.

Красношапочный переспросил:

— Чего?

— Телефон. Такая вещь, чтобы позвонить.

— Колокол?

— Нет.

— Маленький колокол?

— Не колокол.

— А звонит?

— Звонит.

Парень нахмурился, но спорить не стал.

— Кому?

— Мужу, например.

Несколько человек сразу переглянулись.

Старуха сказала:

— Муж есть.

— Есть.

Староста медленно кивнул. Похоже, первый достоверный факт о Елене заметно улучшил его положение.

— Вот, — сказал он остальным.

Елена не поняла, что именно означало «вот».

Красношапочный спросил:

— А муж где?

— Не знаю.

Он нахмурился.

— Тогда как позовёшь?

— По телефону.

— Так ты ж не знаешь, где он.

— Не надо знать, где он.

Парень посмотрел на старосту. Староста посмотрел на старуху. Старуха посмотрела на Елену уже с осторожностью.

— А имя у него есть? — спросила она.

— Конечно есть.

— Так по имени зови.

— Он меня не услышит.

— Тогда далеко.

— Возможно.

— А далеко насколько?

— Я не знаю.

Староста снова кивнул, будто наконец получил подтверждение какой-то мысли.

— Потерялась.

Красношапочный тут же повторил:

— Потерялась.

Старуха возразила:

— Не совсем.

Все повернулись к ней.

Она указала на Еленин свитер.

— Если б совсем потерялась, не дошла бы.

Несколько человек задумались.

Елена посмотрела на свой яркий свитер, потом на старуху.

— Куда не дошла бы?

Старуха ответила так, будто это было очевидно:

— Сюда.

Елена посмотрела на неё, потом на старосту, потом на парня в красной шапке. Тот снова сдул конец шапки с носа.

Глава 2

Глава вторая

Дело о пропавшем зерне

Утром Елене сообщили, что в деревне совершено преступление. Она ещё не успела позавтракать.

– Украла сорок пудов казённого зерна, – сказал староста.

– Кто украл?

– Мы.

Елена посмотрела на него поверх кружки с водой, которую ей сунули вместо завтрака.

– Вы.

– Вся деревня, сударыня. По приказу.

– Чьему?

– Проверяющего.

– А зерно где?

– В сушильне. Целёхонько.

– Тогда в чём проблема?

Староста оглянулся на троих мужиков за спиной. Те посмотрели на старосту, потом на свои сапоги.

– Да по бумагам-то оно украдено.

Елена закрыла глаза. Вчера ей казалось, что жизнь наконец пошла на лад: в этом мире достаточно было уметь считать до десяти, чтобы тебя признали мыслителем, и пара

удачных замечаний принесла ей больше почтения, чем все годы за кассой. А сегодня в комнате топтались четверо и просили расследовать преступление, которого, судя по всему, не было.

– С начала, – велела она.

Староста обрадовался. Начать с начала он мечтал давно: все прежние объяснения никого не устроили.

– Третьего дня приехал господин проверяющий. Велел амбар освободить: стены посмотреть, полы, не завелись ли мыши. Мы и освободили. А вчера он пришёл считать зерно.

– Которое вы вынесли.

– Его самое.

– И сколько нашёл?

– Нисколько.

– И решил, что украли?

– Да нет, он человек образованный, сразу смекнул, что вынесли по его же слову. Только по ведомости в амбаре должно лежать сорок пудов, а лежит ноль. Стало быть, недостача.

– Так поправьте ведомость!

Из-за спин выступил молодой человек в аккуратном коричневом кафтане. Он прижимал к груди стопку листов с такой нежностью, словно это были его дети.

– Позвольте, госпожа. Ведомость правится лишь на основании нового акта. А акт о недостаче уже составлен и подписан.

– Порвите.

Он побледнел.

– Это документ государственный.

– Тогда напишите другой.

– Для этого необходимо установить местонахождение имущества.

– Вам же сказали, где оно!

– Нам, как частным лицам, оно известно, – терпеливо ответил молодой человек. – Но официально не установлено. А свидетельствовать о находке мы не вправе: сами участвовали в проверке, повлёкшей исчезновение. Нужен независимый свидетель.

– Во всей деревне ни одного независимого?

– Кто зерно носил, кто при этом присутствовал, кто состоит в родстве с носившими. Вы же прибыли недавно и к казнённому имуществу касательства не имеете.

– И иметь не собираюсь.

– Потому и обратились к вам, – просиял он.

Елена потёрла лицо ладонями.

– Как тебя зовут?

– Филимон, госпожа. Писарь уездной канцелярии.

– Филимон, скажи честно. Если я схожу к вашей сушильне, гляну на мешки и скажу, что они лежат, вы от меня отстанете?

– Как только составим надлежащий акт.

– Пошли.

Пять минут спустя она об этом пожалела.

За дверью ждали не четверо, а, кажется, вся деревня: бабы с детьми, старухи, кузнец, мужик с козой на верёвке. Слух о том, что великая мудрая женщина приступила к делу, разлетелся быстрее самого преступления. Толпа расступилась с таким почтением, что Елене захотелось оглянуться: не стоит ли кто за спиной.

– Говорят, найдёт.

– Да мы и так знаем, где оно.

– Цыц, дурень, не мешай!

К ней протиснулась старуха.

– Матушка, а петуха моего не сыщешь? Третий день пропадает.

– Я не занимаюсь петухами.

– К вечеру-то он, ясное дело, возвращается. А где шляется, неведомо.

– Так он не пропал.

– То-то и страшно, – зашептала старуха. – Уж больно подозрительно.

Путь преградил кузнец.

– А у меня молоток потерялся.

– Купи новый.

Кузнец раскрыл рот от восхищения.

– А ведь верно!

В толпе одобрительно загудели. Кто-то уже спрашивал кузнеца, почему тот сам не додумался.

Елена подняла руку, и стало тихо. Такого послушания она

не ожидала и на секунду растерялась.

– Никому никуда не ходить. Мне надо подумать.

– Здесь? – уточнил Филимон.

– Одной. И чтобы никто за мной не шёл.

Он важно кивнул и достал из-за пояса книжицу.

– Что ты пишешь?

– Ваши указания, госпожа. Для потомков.

– Да иди ты...

Она осеклась, пожалев потомков, и ушла в дом.

Закрыв дверь, Елена прислонилась к ней спиной. Вчера всё это забавляло: кланялись, кормили, величали профессором неведомой академии. Но одно дело пользоваться чужим восхищением, и совсем другое, когда оно встаёт в семь утра и требует расследовать мешки.

В окно было видно, что толпа так и стоит. Слова про «подумать» поняли буквально и ждали, пока она закончит.

– Ну уж нет, – сказала Елена.

Задняя дверь вела во двор, за двором шли огороды, а там мельница и дорога, а по дороге, глядишь, и город. В городе люди образованнее, там можно найти работу, угол и наконец понять, куда она попала. А заодно, если повезёт, отыскать Серёжу. Последнее заманчивым не казалось.

На гвозде у порога висела подаренная вчера шуба: тяжёлая, дорогая и такая широкая, что под ней при желании поместился бы второй человек. Елена накинула её на плечи и выскользнула наружу.

Первым беглянку заметил Филимон. Он стоял у колодца и записывал показания о состоянии пустого мешка, когда краем глаза уловил за плетнём знакомую шубу.

Писарь замер.

Началось.

Со вчерашнего дня Филимон подозревал в госпоже Елене нечто необыкновенное: она парой слов развязала узел, над которым деревня спорила целое утро, а сегодня, вместо обычной процедуры, потребовала уединения и теперь крадётся огородами.

Метод, несомненно, редкий.

Он спрятал книжицу и пошёл следом, но у плетня столкнулся со старостой.

– Куда это вы, господин писарь?

– За госпожой Еленой. Она расследует.

Староста поглядел поверх плетня.

– Так зерно же в сушильне.

– Возможно, она ищет следы.

– Какие следы? Мы сами мешки таскали.

– Многое в этом деле не так просто, как кажется, – вздохнул Филимон.

Спорить староста не стал: человек из уезда, ему виднее. Он кликнул двух мужиков, и все четверо двинулись за Еленой.

Окрестности между тем оказались устроены хуже, чем виделись из окна. Огород кончился рвом, через ров лежал мо-

стик с половиной досок, а за мостиком начиналось поле мокрой травы по пояс.

Елена перебралась, оглянулась и увидела коричневый кафтан.

– Да чтоб тебя!

Она прибавила шаг. Писарь тоже. Староста не пожелал отставать от власти, мужики побежали за старостой, и вскоре за Еленой гналась целая процессия.

– Ускорились! – крикнул один из мужиков.

– Вижу, – отозвался Филимон.

– Это зачем?

– Должно быть, след горячий.

– Какой след?

– Знал бы я, не нуждался бы в госпоже Елене.

Второй мужик, услышав обрывок разговора, решил, что поймали преступника, и заорал:

– Сюда! Ловят!

Из-за мельницы выбежало ещё трое. Один немедленно присоединился к погоне, второй отправился звать остальных, а третий, не разобравшись, кого ловят, на всякий случай побежал в противоположную сторону.

– Гляди, ещё один! – крикнули ему вслед.

Вскоре часть крестьян преследовала Елену, другая часть преследовала незнакомца, а староста остановился посреди дороги, пытаясь понять, в каком направлении следует искать зерно, которое он собственноручно относил в сушильню.

Елена свернула между двумя сараями, чуть не поскользнулась в грязи и увидела старую деревянную постройку с приоткрытой дверью.

Нырнула внутрь, притворила её за собой.

Темно, сухо, пахнет пылью.

Снаружи перекликались голоса.

– Куда делась?

– Через поле, поди!

– Да не могла она так быстро!

Елена беззвучно усмехнулась: оторвалась.

Она шагнула назад и обо что-то споткнулась. Пол ушёл из-под ног, локоть врезался в перекладину, рядом рухнул мешок. Мешок оказался тяжёлым. Второй повалился следом с грохотом, а третий устоял лишь потому, что она вцепилась в него обеими руками.

– Госпожа Елена! – встревоженно позвали снаружи. – С вами всё в порядке?

Дверь распахнулась.

Елена сидела среди мешков, в пыли, красная и злая. Филимон перевёл взгляд с неё на мешки, с мешков на казённые клейма, с клейм обратно на неё.

– Невероятно, – прошептал он. – Вы нашли их.

– Я пряталась!

– Разумеется. Сыщик обязан действовать скрытно.

– От вас!

– Дабы исключить вмешательство в ход расследования.

– Я даже не знала, что это сушильня!

Филимон застыл. Потом медленно, торжественно кивнул.

– Вот именно.

– Что именно?

– Вы не знали, в каком здании находится имущество. Следовательно, обнаружили зерно самостоятельно, без сопровождения заинтересованных лиц.

– Но вы же за мной бежали!

– Не сопровождали, госпожа, а следовали. Это разные обстоятельства.

Он повернулся к старосте:

– У нас есть независимый свидетель!

– Так это хорошо? – почесал затылок староста.

– Это превосходно!

Писарь уселся на перевёрнутое ведро, разложил бумаги на колене и застрочил. Елена поднялась, отряхнула шубу, потрогала локоть.

– Я ни в чём участвовать не буду.

– Не извольте беспокоиться, от вас лишь подтверждение, что вы обнаружили двадцать мешков.

– Я случайно!

– Так и запишем: «Обнаружение произведено самостоятельно, без предварительного уведомления и постороннего содействия».

– Я в них упала!

– «При непосредственном соприкосновении с имуще-

СТВОМ».

– Да вы издеваетесь!

– Ни в коем случае, госпожа. Государственное дело. Староста слушал с растущим уважением.

– А ловко придумала, – сказал он. – Найти так, чтобы никто не заподозрил, будто мы подсказали.

– ЧТО я придумала?!

Елена открыла рот, закрыла и посмотрела на мешки.

Филимон тем временем протянул ей перо.

– Здесь требуется ваша подпись.

– Я не собираюсь ничего подписывать!

– Тогда необходимо засвидетельствовать ваш отказ.

– Ну и свидетельствуйте.

– Разумеется. Позвольте только узнать, отказываетесь ли вы от участия в обнаружении зерна или от подтверждения факта обнаружения?

Елена с подозрением посмотрела на него.

– А разница?

– В первом случае придётся признать обнаружение недействительным, поскольку оно совершено без вашего согласия. Во втором обнаружение действительно, но не подтверждено свидетелем.

– И что?

– В первом случае нужно искать зерно заново. Во втором достаточно найти другого свидетеля.

Елена оглянулась.

За дверью стояли крестьяне. Некоторые уже пытались протиснуться внутрь, чтобы собственными глазами увидеть пропавшее зерно.

– И сколько это займёт?

– Как повезёт.

Елена выхватила перо.

– Давай сюда.

* * *

Через час в сушильню прибыл господин проверяющий: грузный, с длинными усами и лицом человека, который много лет разочаровывается в людях, но жалованье при этом получает исправно.

Он выслушал доклад, изучил акт, обошёл мешки и ткнул пальцем в клеймо.

– Клейма целы?

– Все двадцать, – сказал Филимон.

– Вес?

– Сорок пудов.

– Свидетель?

Писарь указал на Елену.

Проверяющий оглядел её с сомнением.

– Вы действительно обнаружили зерно?

– Я упала на мешки.

– По собственной воле?

Елена подумала.

– Ну... можно и так сказать.

– Принуждения не было?

– Нет.

Он прочёл акт, и лицо его понемногу разгладилось.

– Превосходно. Дело, господа, можно считать благополучно разрешённым.

Староста просиял.

– Значит, зерно в амбар?

– Разумеется, нет.

Улыбка сползла со старосты.

– Это почему же?

– Амбар на проверке.

– Так вы ж его проверили!

– Мы проверили наличие зерна. Теперь проверим состояние помещения.

– Да ради того и выносили!

– Совершенно верно. Вы действовали согласно распоряжению.

– И что теперь?

– Теперь составим акт о готовности амбара к приёму имущества. После проверки.

– Какой проверки?

– Состояния амбара.

– Так вы же...

– Не путайте, любезный, предварительное обследование с окончательным освидетельствованием.

Староста замолчал. Елена вдруг почувствовала к нему

что-то вроде родства.

Филимон поднял палец.

– Позвольте, господин проверяющий. Зерно числится украденным, значит, прежде чем вернуть, его надо принять на хранение как найденное. А у сушильни нет утверждённого хранителя. Для назначения нужно распоряжение, а до его подписания...

– Филимон.

– Да?

– Не мешайте мне завершать дело.

– Слушаюсь.

Помолчали.

– А нельзя оставить всё как есть? – спросила Елена. – Мешки лежат, никому не мешают, амбар пустой. Все довольны.

Проверяющий нахмурился, и Елена приготовилась к очередным пятнадцати словам ни о чём. Но он вдруг улыбнулся.

– А ведь разумно. Раз имущество обнаружено, но не передано, оно вправе пребывать на месте обнаружения до особого распоряжения. Хранителя назначать незачем.

Филимон быстро перелистал бумаги.

– Действительно.

– Вы избавили нас от трёх документов, – обернулся к Елене проверяющий.

Писарь смотрел на неё как на чудо.

– Однако, – заметил он, – поскольку имущество остаётся

в сушильне, помещение необходимо поставить под охрану.

Проверяющий вздохнул.

– Выделите сторожа.

– Из числа местных жителей?

– Разумеется.

– Но все местные жители являются заинтересованными лицами.

Проверяющий медленно повернулся к нему.

– Филимон.

– Да?

– Вы хотите, чтобы я назначил сторожем вас?

Филимон немного подумал.

– Нет, господин проверяющий.

– Вот и отлично.

Он повернулся к старосте.

– Поставьте кого-нибудь караулить мешки.

– Кого?

– Хоть того, кто их сюда принёс.

Староста кивнул. Наконец-то ему поручили дело, которое он понимал.

Елена впервые за утро улыбнулась.

К полудню Филимон закончил составлять доклад.

Проверяющий устроился за столом, поправил усы и велел читать вслух.

– «По распоряжению господина проверяющего сорок пудов зерна были вынесены из казённого амбара...»

– Это вычеркните.

– Но ведь так и было.

– Данное обстоятельство уже отражено в другом документе.

Филимон вычеркнул.

– «В результате проведённой проверки обнаружилась недостача казённого имущества...»

– Обнаружилась?

– Да, господин проверяющий.

– Сама?

– По результатам проверки.

– Тогда пишите: «Благодаря бдительности господина проверяющего своевременно выявлена недостача казённого имущества».

Филимон записал.

– «Для установления местонахождения пропавшего зерна к расследованию была привлечена госпожа Елена...»

– Укажите, что привлечена по инициативе уездной канцелярии.

– Но ведь это староста к ней обратился.

– А староста от чьего имени действует?

– От имени деревни.

– А деревня кому подчиняется?

Филимон задумался.

– Уездной канцелярии.

– Вот видите.

Писарь исправил.

– «Прибывшая госпожа Елена предприняла самостоятельные действия, в результате которых обнаружила двадцать мешков...»

– Хорошо. Добавьте «проявив исключительную проницательность».

Елена, сидевшая у окна, подняла голову.

– Какую ещё проницательность? Я просто...

– Мы уже установили обстоятельства обнаружения, госпожа, – сказал проверяющий. – Не беспокойтесь.

Филимон продолжил:

– «Таким образом, благодаря предусмотрительности проверяющего и выдающимся сыскным способностям госпожи Елены имущество возвращено казне».

– Но зерно и не покидало казны, – заметил староста.

Проверяющий поднял глаза.

– Что вы предлагаете?

– Ну... написать, как было.

– Как было, уже написано в другом документе.

– А здесь?

– Здесь пишется, как дело разрешилось.

Староста почесал голову.

– Так дело же ещё не совсем...

– Дело закрыто, – отчеканил проверяющий. – Зерно обнаружено, виновных нет, ущерба казне не причинено. Какие ещё у вас вопросы?

– А кто ж тогда его украл?

Проверяющий посмотрел на него с усталостью.

– Любезный, если бы мы нашли вора, пришлось бы открывать уголовное дело. Вы этого хотите?

– Нет, господин проверяющий.

– Вот и я не хочу.

Он взял бумаги у Филимона и довольно осмотрел результат.

– Нужно поощрить отличившихся.

– В частности, госпожу Елену, – подсказал Филимон.

– Безусловно.

Староста осторожно кашлянул.

– А мужикам, которые мешки таскали, ничего не полагается? Ежели бы не вынесли, так и не украли бы.

– Совершенно верно.

– Вот!

– Следовательно, и обнаруживать было бы нечего. Не будем смешивать исполнение распоряжений с выдающимися заслугами.

Староста хотел возразить, но раздумал. Зерно нашлось, и ладно. Хотя где оно лежит, он помнил прекрасно.

* * *

Награждение устроили на площади, потому что жителям так захотелось.

Елена не понимала, зачем всё это, но уйти от очереди благодарных людей было как-то невежливо. К тому же постави-

ли столы: пироги, каша, тушёное мясо, кувшины.

Она с утра ничего не ела и решила потерпеть.

Проверяющий взошёл на помост и развернул грамоту.

– За проявленную смекалку, решительность и исключительное умение находить исчезнувшее имущество... при обстоятельствах, требовавших выдающихся способностей к установлению истины... а также за беспримерную скромность и отказ от преждевременного признания собственных заслуг...

Елена тихонько фыркнула.

– ...наградить госпожу Елену десятью серебряными монетами.

– Сколько?

Перед ней поставили кошелёк.

Внутри лежали десять увесистых кружочков. Елена достала один и повертела в пальцах.

Десять серебряных за одно утро, большую часть которого она потратила на попытки сбежать. На старой работе за такие деньги пришлось бы отстоять не одну смену, объясняя людям, почему просроченный йогурт нельзя вернуть через полгода.

А тут заплатили за то, что она упала на мешок.

Мир, возможно, был не так уж плох. Начальников, которые получали больше подчинённых за меньшую пользу, она и дома встречала немало.

В конце концов, мешки нашла она. Остальные весь день

стояли и спорили. Да, совершенно случайно. Но разве случайность отменяет результат?

Вопрос показался ей на удивление разумным. Она решила обдумать его позже и взяла второй пирог.

– А у вас такие дела часто бывают? – спросила она.

– О, госпожа, государственные дела весьма многочисленны, – оживился Филимон.

– И за каждое платят?

– В зависимости от важности.

– А за важное?

– Значительно больше.

Проверяющий обернулся.

– Вы интересуетесь службой?

– Просто спрашиваю.

– Весьма похвально. Казне нужны способные люди.

Филимон уже раскладывал бумаги.

– Как раз есть положение о привлечении независимых лиц к особым ревизионным поручениям. Казённое содержание, дорожные деньги, при необходимости жильё.

Жильё и деньги.

Елена задумалась.

– А работать много?

– Как возникнет необходимость.

– Не каждый день?

– Особые происшествия случаются нечасто.

Проверяющий громко кашлянул, но ничего не добавил.

– И здесь сидеть не придётся?

– Напротив, поездки по всему уезду!

Вот она, возможность уехать из деревни законно, с деньгами и никому не обязанной.

Елена взяла лист. Текст тянулся витиеватыми буквами, параграфами, подпунктами и ссылками на какие-то положения.

– А покороче можно?

– Вы соглашаетесь содействовать уездной канцелярии в случаях, требующих ваших исключительных способностей, – тут же перевёл Филимон.

– Деньги платят?

– Да.

– Возят за казённый счёт?

– Несомненно.

– Отказаться можно?

– Разумеется. Каждый служащий имеет право подать прошение об отказе от поручения.

– И всё?

– Прощение обязаны принять.

Елена удовлетворённо кивнула.

– Ну и отлично. Давай перо.

Филимон подал ей перо и перевернул лист.

– Здесь ваша подпись. Здесь дата. А здесь свидетельство о добровольном поступлении.

– Опять подпись?

– Подтверждение, что первая поставлена добровольно.
Елена расписалась.

– А это что?

– Подтверждение, что условия вам разъяснены.

– Ты же разъяснил?

– Именно.

Она поставила третью подпись.

Филимон промокнул чернила и спрятал лист с видом человека, получившего нечто бесценное.

– Поздравляю, госпожа. С поступлением на государеву службу.

Елена вдруг вспомнила о десятке серебряных.

– А когда жалованье?

– Со следующего месяца.

– А за этот?

– За этот вы уже получили награду.

Елена задумалась.

С одной стороны, это было не совсем то, на что она рассчитывала. С другой, теперь у неё имелась официальная должность, денежное содержание и возможность бесплатно путешествовать по всему уезду.

Жизнь определённо налаживалась.

* * *

Праздник тянулся до вечера.

Елена ела пироги, принимала поздравления, и жизнь казалась ей всё лучше. Подходили крестьяне и благодарили за

спасение, не вполне понимая, от чего их спасли.

Один старик уверял, что без неё всё зерно сгнило бы. Другой рассказывал, что проверяющий хотел забрать амбар целиком. Третий объяснял детям, как Елена гнала разбойников через мельницу и в сушильне обратила их в бегство.

Разбойников сначала было шестеро, к закату стало двенадцать.

Елена не возражала: у неё был пирог.

За соседним столом Филимон растолковывал старосте:

– Заметьте, она ни разу не стала искать зерно обычными способами.

– Так мы ж сказали, где оно.

– Именно! Она сознательно отказалась полагаться на сведения заинтересованных лиц.

– Но она же убежала.

– Тактический манёвр.

– И упала.

– Приём непосредственного обнаружения.

Староста помолчал.

– А ежели бы шею сломала?

– Тогда расследование пришлось бы приостановить.

Староста кивнул: ответ показался ему вполне разумным.

В этот момент к столу подошёл один из крестьян. В руках он держал свёрнутую бумагу.

– Господин староста, тут распоряжение принесли.

– Какое ещё?

– Насчёт сушильни.

Староста взял бумагу, медленно прочёл и побледнел.

– Что там? – спросил Филимон.

– Велено сушильню освободить.

– Для чего?

– Для проверки состояния помещения.

Филимон одобрительно кивнул.

– Правильное распоряжение. Давно пора.

Староста посмотрел на него.

– А зерно куда?

– В амбар, разумеется.

– Так амбар тоже на проверке.

– Значит, придётся подыскать временное помещение.

Староста некоторое время молчал.

– А если в другое место перенести, опять ведь пропадёт?

Филимон задумался.

– Только если в новом месте его официально не обнаружат.

Староста аккуратно сложил бумагу.

– Пойду я, – сказал он.

– Куда?

– Искать госпожу Елену.

Филимон покачал головой.

– Не следует тревожить её по таким пустякам. К тому же у госпожи теперь служебные обязанности.

Староста вздохнул и ушёл.

Елена ничего этого не слышала.

Она как раз выбирала между пирогом с мясом и пирогом с капустой и была чрезвычайно довольна тем, что хотя бы эта проблема решалась без государственного вмешательства.

Солнце клонилось к закату, когда на площадь въехал всадник.

Он спешил, запутавшись в поводьях, и потребовал представителя уездной канцелярии.

Филимон вышел навстречу.

– Я писарь уездной канцелярии. Что случилось?

– Срочное известие из уезда.

Гонец протянул ему письмо.

Филимон осмотрел его с обеих сторон.

– Печати нет.

– Не было, – подтвердил гонец.

– Без печати это не донесение, а частное сообщение.

– Мне велено доставить срочно.

– Срочность не отменяет требований к оформлению.

– Так вы хоть прочитайте.

Филимон вздохнул и развернул письмо.

Пробежал глазами первую строку.

Потом вторую.

Лицо его изменилось.

– Чрезвычайное происшествие.

– Опять зерно? – лениво повернулась Елена.

– Нет. На этот раз исчезла казна.

Проверяющий вскочил.

– Какая?

– Уездная.

– Вся?

– Согласно письму.

Староста, вернувшийся с пустой кружкой, присвистнул.

– Вот это воры!

– Ну, ищите, – пожала плечами Елена.

– В том-то и затруднение, – сказал Филимон. – Денег в казначействе нет, но по расходной книге они там числятся. Вдобавок пропала казначейская печать, которой удостоверяют чрезвычайные происшествия.

Он снова осмотрел письмо.

– Понятно.

– Что понятно? – спросила Елена.

– Почему письмо без печати.

Она медленно поставила кружку.

– Пусть найдут печать.

– Её отсутствие тоже надо удостоверить.

– Другой печатью!

– Второй печати нет.

– Нарисуйте!

– Подделка государственной печати, госпожа, тяжкое преступление.

Елена втянула воздух сквозь зубы.

Опять эти люди, опять бумажки, опять что-то пропало, но

признать этого нельзя.

Проверяющий тем временем забрал письмо у Филимона.

– А здесь что?

– Просьба направить в уезд лицо, способное содействовать расследованию чрезвычайных происшествий.

Проверяющий прочёл.

– Просьба, значит.

– Да, господин проверяющий.

– Без печати она силы не имеет.

Филимон почтительно кивнул.

– Именно.

– Стало быть, направить никого не можем.

Елена облегчённо выдохнула.

– Вот и отлично.

Проверяющий задумчиво разгладил усы.

– Впрочем, нам никто не мешает по собственной инициативе командировать служащего для проверки поступивших сведений.

Филимон просиял.

– Совершенно верно! Тогда это будет не исполнение недействительного распоряжения, а самостоятельная проверка.

– Именно.

– И никакой печати из уезда не требуется.

– Достаточно моей.

Елена застыла.

– Подождите.

Филимон обернулся.

– Да, госпожа?

– Вы хотите сказать, что отправляете меня?

– Разумеется.

– Зачем?!

– Для проверки обстоятельств чрезвычайного происшествия.

– Так вы сами сказали, что письмо недействительное!

– Совершенно верно. Поэтому и необходимо проверить, соответствуют ли изложенные в нём обстоятельства действительности.

– Пусть проверяет кто-нибудь другой!

Писарь искренне удивился.

– Но ведь сегодня вы поступили на службу именно для таких поручений.

– Я только что поступила!

– Тем удачнее.

– Я ничего не умею!

– Ваши заслуги говорят обратное.

– Я упала на мешки!

– И тем не менее обнаружили их.

Елена посмотрела на проверяющего.

Тот развёл руками.

– Служба есть служба.

– А если откажусь?

– Разумеется, вы вправе, – ответил Филимон.

Елена оживилась.

– Вот! Я же спрашивала!

– Несомненно. Ваше право предусмотрено положением.

Необходимо лишь подать прошение.

– Так я подаю!

– В письменном виде.

– Давай бумагу.

Филимон достал лист.

– Следует указать уважительную причину отказа.

– Не хочу.

Писарь задумался.

– Боюсь, это не уважительная причина.

– А какая уважительная?

– Болезнь, например.

– Я больная!

Филимон внимательно посмотрел на неё.

– Чем?

Елена открыла рот.

– Голова болит.

– Это нужно удостоверить лекарем.

– А если он скажет, что не болит?

– Тогда придётся выбрать другое основание.

– Какое?!

– К примеру, непреодолимые обстоятельства.

Елена оглянулась на окружающих.

– Я не могу с вами работать. Это непреодолимое обстоятельство?

Писарь немного подумал.

– Довольно необычная формулировка. Но прошение мы, разумеется, принять обязаны.

– Прекрасно! Когда меня отпустят?

– После рассмотрения.

– А сколько рассматривают?

– Месяц. Иногда два.

– ДВА МЕСЯЦА?!

– При благоприятном стечении обстоятельств.

Елена схватилась за голову.

– И что мне делать эти два месяца?

– Исполнять служебные обязанности, пока прошение не удовлетворено.

Она медленно опустила руки.

– То есть я могу отказаться от работы, только продолжая работать?

– Разумеется. Иначе любой служащий мог бы прекратить исполнение обязанностей, просто подав прошение.

Елена посмотрела на лист, который ей протягивал Филимон.

Потом на свою новую грамоту.

Потом на кошелёк с серебряными монетами.

Ей вдруг захотелось вернуть деньги и уйти куда-нибудь очень далеко.

Но Филимон, словно угадав её мысли, добавил:

– В случае досрочного прекращения службы без уважительных причин казённое вознаграждение подлежит возврату.

Елена вцепилась в кошелёк.

– С какой стати?!

– Вы уже получили награду за содействие казне. Было бы прискорбно, если бы казна лишилась вашего дальнейшего содействия.

– Так это же награда за найденное зерно!

– Несомненно.

– Причём здесь служба?!

Филимон растерялся.

– Действительно, госпожа. Это отдельные обстоятельства.

Прошу прощения, я неправильно выразился.

Елена с подозрением посмотрела на него.

– Значит, деньги вернуть не надо?

– Конечно нет.

Она облегчённо выдохнула.

– Ну хоть что-то.

– Но при самовольном оставлении должности придётся возместить расходы на оформление служебных документов.

Елена закрыла глаза.

Сколько же их было?

Три подписи. Два приложения. Грамота. Какая-то ведомость.

И всё это она подписывала, даже не поинтересовавшись стоимостью.

Утром она сбегала через огороды, днём решила, что устроилась, а к вечеру уже задолжала неизвестно сколько за право не работать.

– К тому же, – произнёс проверяющий, изучавший письмо, – дело срочное. И поступило особое распоряжение из столицы. От государя.

Вокруг стало тихо.

Крестьяне придвинулись ближе.

Вчера Елене уже рассказывали о новом Тёмном Властелине: одни говорили, что он обладает невиданной магической силой, другие, что жесток и беспощаден, третьи, что главная его особенность в непредсказуемости.

Она не придавала этому значения. Здесь вообще мало кто умел рассказывать без преувеличений.

– Государь недоволен положением в провинциях, – продолжил проверяющий. – Он требует решительных мер против волокиты, нерадивости и бессмысленного составления бумаг.

– Ну хоть один нормальный человек, – пробормотала Елена.

– Выражения, однако, необычные. Буквально: «Хватит заниматься всякой хернёй. Сделайте уже нормально».

Елена замерла.

Эту фразу она знала.

Именно так Серёжа заканчивал любую попытку чинить сантехнику. Сначала полчаса объяснял, что всё устроено неправильно. Потом, что производители ничего не понимают. Потом говорил именно это и принимался разбирать то, что до него хотя бы иногда работало.

– Повтори.

– «Хватит заниматься всякой хернёй. Сделайте уже нормально».

Живот у неё неприятно сжался.

Нет.

Мало ли кто так выражается.

Серёжа, конечно, любил поучать и никогда не сомневался в своей правоте, но чтобы целым государством...

– А как зовут вашего государя? – осторожно спросила она.

– Тронное имя пока не оглашено. Государь велел подобрать достойное, советники представили несколько, и ни одно не одобрено.

– Почему?

– Очевидцы говорят, он назвал их хернёй.

Она закрыла лицо руками.

– Покамест его величество именуется Тёмным Властелином, Повелителем Девяти Земель, Сокрушителем Престолов и Хранителем Вечного Пламени, – почтительно продолжил проверяющий.

– А сам-то как себя называет? – спросила Елена очень тихо.

– Ходят слухи, придворные слышали, как он назвал себя Серёгой. Но это, разумеется, не может быть именем столь могущественного правителя.

Елена долго смотрела в одну точку.

Потом медленно сказала:

– Я передумала.

– Простите?

– Я еду.

– В уезд? Превосходно! – Филимон выхватил книжицу. – Прикажете подготовить повозку к утру?

– К утру? Нет. Сейчас.

– Ваше рвение достойно восхищения.

Она не ответила.

Впервые в этом странном мире ей по-настоящему стало страшно.

Потому что государство, которым управляет Серёжа, объясняло слишком многое.

И ничего хорошего не обещало.

Конец второй главы.